

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БАРАНОВИЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Кафедра социально-гуманитарных дисциплин

**БЕЛОРУССКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**



**НА ПОРОГЕ СТОЛЕТИЯ
БЕЛОРУССКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ:
СОЦИОГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ**

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖВУЗОВСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА**

**06 декабря 2018 г.
г. Барановичи
Республика Беларусь**

**Барановичи
РПО БарГУ
2018**

УДК 001
ББК 72
С57

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом учреждения образования
«Барановичский государственный университет»

Рецензенты:

Д. В. Карев, доктор исторических наук, профессор, директор Центра междисциплинарных исследований диаспор и зарубежного белорусоведения учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно

В.К. Борецкая, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии учреждения образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Гомель

Редакционная коллегия:

А. В. Демидович (гл. ред.), *А. В. Демидович*, (отв. ред.), *З. Н. Козлова*, *В. И. Кривуть*, *А. В. Литвинский*.

На пороге столетия белорусской государственности: социогуманитарный аспект [Текст] :
С57 материалы межвуз. кругл. стола, 06 декабря 2018 г., г. Барановичи, Респ. Беларусь / редкол.:
А. В. Демидович (гл. ред.), А. В. Демидович (отв. ред.), З. Н. Козлова и [др.] — Барановичи : РИГ
БарГУ, 2018. — 172 с. — 53 экз.

ISBN 978-985-498-533-6
ISBN 978-985-498-534-3 (Книга 2)

Включены материалы докладов межвузовского круглого стола «На пороге столетия белорусской государственности: социогуманитарный аспект», в которых нашли отражение историко-культурные, философские и социально-политические проблемы гуманитарного содержания, характеризующие динамику белорусского общества в историческом прошлом, современных реалиях XXI века и тенденции его развития на ближайшую и отдалённую перспективу.

В статьях актуализированы вопросы сохранения самоидентичности белорусского народа в контексте процесса становления белорусской государственности.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений и всем тем, кто интересуется научной объективной информацией о социогуманитарных процессах в белорусском обществе.

УДК 001
ББК 72

© Коллектив авторов, 2018

ISBN 978-985-498-533-6 © БарГУ, 2018
ISBN 978-985-498-534-3 (Книга 2)

человека, его рода с природной средой того географического ареала, где он исторически значимое время проживает.

Такие особенности белорусского самосознания позволили исследователям говорить об особом феномене типичном для белорусов. Речь идет о феномене «тутэйшасці», который в прошлом проявлялся в «глубинной связи, привязанности белорусов к своей земле, краю, месту, территории проживания, идентификации с местностью и земляками, сакральной значимости и значении, придаваемом белорусами родной земле и малой родине» [6, с. 57], а к настоящему времени исторически закрепился в менталитете белорусского народа. Характерные для белорусов глубокие эмоциональные связи с территорией, территориальной общностью, привязанность к родной земле, укорененность обусловили формирование специфики белорусской национальной идентичности.

Истоки феномена «тутэйшасці» лежат в историческом прошлом белорусского народа и его страны. Белорусский регион в прошлом никогда не был в этническом и политическом отношении единым и однородным, постоянно находился на перекрестке разнообразных поликультурных взаимовлияний. Белорусские земли на протяжении многих веков были ареной столкновения Запада и Востока, православия и католицизма, где в разное время себя проявили Литовское государство, Польша, Москва [3].

В этих «битвах» за собственное самоопределение и родилась белорусская «тутэйшасць», можно сказать универсальная модель самоопределения под меняющуюся политическую обстановку. Определение «тутэйшыя» стало самоназванием тех местных жителей, которым удавалось выжить после разрушительных военных кампаний и сохранить свою идентичность. На вопрос о своей национальной принадлежности белорусский крестьянин часто отвечал: «Я тутэйшы», тем самым отличая себя и от поляков, и от русских, но не идентифицировал себя с собственным этносом или нацией. «Не имея возможности самоидентификации по отношению к государственному целому, постоянно менявшемуся, он самоидентифицировал себя с единственно непоколебимым, исконным — с родной землей» [3]. Ответом «я тутэйшы» белорус снимал все последующие вопросы относительно нации и вероисповедания.

«Тутэйшасць» — это особенная жизненная позиция коренного белоруса, которому постоянно предлагали определиться с верой, национальностью, с языком.

Некоторые исследователи полагают, что тутэйшасць выполняла позитивную функцию. В ситуации, когда на территории края сосуществовали очень близкие, родственные культуры, тутэйшасць была способом защиты самобытности народа и культуры, помогала сохранять свою национальную «адметнасць і самабытнасць». Ю. Бардах пишет об этом так: «Можна, аднак, заўважаць у «тутэйшасці» і спецыфічную форму свядомасці, а менавіта краёвую свядомасць. На землях, дзе суіснавалі розныя мовы, вызнанні, уплывы розных культур, гэта прымала форму адмаўлення ад таго, каб выказацца за адзін з бакоў, нежаданны абвяшчаць свой выбар, патрэба якога пры традыцыйным побытавым ладзе не адчувалася, але які пагражаў разбурэннем шматвяковых формаў сужыцця і камунікацыі, родзячы новыя, часам ледзьве адчувальныя, але рэальныя канфлікты і пагрозы» [5].

Тутэйшасць как глубинная связь с местом, как результат осознания своей принадлежности к определенной территории, и соответствующей территориальной общности, легла в основу национальной идентичности белорусов.

В современном мире, когда повсеместные процессы глобализации, рост мобильности способствуют стиранию границ, население становится все более полиэтничным, территориальные границы приобретают в мире все более условный характер. Тем не менее, для белорусов значение, ценность земли, территории не утрачено. Это подтверждают данные исследований. Так, Л.И. Науменко в своей работе приходит к выводу, что территориальная составляющая белорусской идентичности, проявляющаяся в осознании себя жителем Беларуси, чувстве привязанности к родной земле и месту проживания, является наиболее актуализированной среди жителей нашей страны [7, с. 85].

Белорусы все еще сохранили глубокую связь с землей, которая способствовала становлению уникальности белорусской культуры и самосознания и в настоящее время может способствовать укреплению и сохранению белорусской идентичности, консолидации и интеграции белорусского общества.

Список цитируемых источников

1. Кукоба О.А. Доминанты российского национального менталитета // Вестник Воронежского государственного университета. – 2004. – № 2. – С. 191–208.
2. Кокберн С. Пространство между нами. Обсуждение гендерных и национальных идентичностей в конфликтах. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 209 с.
3. Чернявская Ю.В. Пять парадоксов национального самосознания белорусов // Журнал Индекс [Электронный ресурс]. – 2001. – №15. Режим доступа: <http://index.org.ru/journal/15/15-chern.html>. - Дата доступа: 21.03.2016.
4. Хабибуллин К.Н. Испытания национального самосознания. – СПб.: Петрополис, 1993. – 120 с.
5. Насута А. Харызма тутэйшасці // Druvis. – 2005. – №1. – С. 163-173.
6. Котляров И.В. Родная земля в восприятии населения современной // Проблемы управления. – 2009. - № 4 (33). – С. 57-65.
7. Науменко Л.И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая специфика. – Минск: Беларуская навука, 2012. – 205 с.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ВЕРОТЕРПИМОСТЬ БЕЛОРУСОВ. КОРНИ И ТРАДИЦИИ

Как известно, с конца 1980-х гг. в нашей стране происходила активизация религиозной жизни, которая и в настоящее время остается стабильно активной. В связи с этим увеличилась и продолжает расти интенсивность взаимодействий между представителями различных вероисповеданий. Современное качество межконфессиональных отношений, которое характеризуется толерантностью и спокойствием, является исторически сложившимся и этнически обусловленным. Однако его нельзя считать окончательным и неизменным. Межконфессиональные конфликты в современном мире продолжают быть острыми и требуют своего разрешения. Беларусь в этом плане в настоящее время являет собой пример действительно толерантной страны. В этой связи необходимо указать, что Беларусь имеет уникальный исторический опыт, включающий, как высокие достижения, так и значительные проблемы.

Чтобы оценить и проанализировать межконфессиональные отношения в настоящий момент и выявить тенденции их развития на будущее, необходимо рассмотреть их динамику на всем протяжении истории их существования, используя сравнительно-исторический и системный методы исследования.

Для этого необходимо сделать некоторые теоретические замечания. В качестве первоначальных русских эквивалентов понятия толерантности мы имеем слова «терпимость» и «терпение». При таком понимании мы выходим лишь на первый уровень понимания этого явления, которое в данном случае трактуется как сдерживание внешних негативных проявлений ксенофобии. Второй уровень толерантности предполагает значение в большей степени соответствующего английскому понятию *assercance*, что можно перевести как принятие разности вероисповеданий в качестве нормы (отсутствие ксенофобии). Этот второй высший уровень понимания конфессиональной толерантности в современном белорусском обществе является преобладающим. Однако история Беларуси представляет нам как примеры обеих уровней конфессиональной толерантности так и проявления нетерпимости в отношениях между конфессиями. Эти три подхода можно выстроить в своего рода шкалу: нетерпимость – терпимость – принятие.

Для краткой систематизации исторического опыта конфессиональной толерантности в Беларуси воспользуемся (с определенными оговорками) периодизацией, предложенной Александром Мурновым [1] для систематизации межконфессиональных отношений между Православной и Католической церквями. Он выделяет период с конца XIV в. (знаковая дата – Кревская и Городельская унии 1385 и 1413 гг.) до Брестской унии 1596 г. Следующий период начинается, соответственно, с 1596 г. и завершается разделами Речи Посполитой в конце XVIII в. и вхождением территории Беларуси в состав Российской империи. Мы попытаемся рассмотреть качество межконфессиональных отношений именно на протяжении этих двух периодов, поскольку именно в это время произошло становление белорусской народности, а, следовательно, и белорусского менталитета, были заложены традиции конфессиональной толерантности, плодами которых мы пользуемся по сей день.

При этом необходимо также отметить, что бесконфликтное сосуществование является для Беларуси естественным состоянием межконфессиональных отношений при отсутствии радикальных и приносимых извне изменений сложившейся этноконфессиональной структуры. В IX–XIV вв. предки белорусов были охвачены проповедью миссионеров как восточнохристианской, впоследствии православной (крещение Руси при Константинопольском патриархе Фотии, проповедь учеников славянских просветителей Кирилла и Мефодия, официальное крещение Руси при великом Киевском князе Владимире 988 г.) так западнохристианской, позднее католической традиции (Торвальд Путешественник, Бруно Бонифаций, епископ Рейнберн) традиции. С XVI в. к этим двум ветвям христианства добавился протестантизм в различных течениях, который с тех пор непрерывно существует в Беларуси до сих пор.

На все это накладывается присутствие с конца XIV в. татар-мусульман (их численность к XVI в. достигла 40000, а к XVII в. – 100000 и более, в XIV в. действовало около 30 мечетей) и постепенное проникновение с того же времени иудеев на территорию Беларуси.

Еще великий Литовский князь Гедимин в своих Посланиях делает определенную заявку на построение бесконфликтного, справедливого государства: «Мы установим такой мир, который христиане еще не знали»[2]. Опыт государственного строительства ВКЛ дает чрезвычайно ценный материал в отношении регулирования межконфессиональных отношений. Правовые документы XIII–XVI вв., включая Статуты ВКЛ, фиксируют принцип субъективизации права, подразумевающий свободу вероисповедания, а в случаях межконфессиональных обвинений обязательность присутствия на суде свидетелей обеих сторон.

При радикальном изменении ранее сложившейся конфессиональной структуры (Кревская уния 1385 г., Брестская церковная уния 1596 г.), а также при поддержке государством определенных конфессий в ущерб другим происходит ухудшение межконфессиональных отношений, их радикализация и политизация.

Период 1385–1596 гг. характеризуется проникновением и распространением католицизма на территории Беларуси. В целом его можно характеризовать как период нисходящей динамики развития конфессиональной толерантности. Первым этапом является переход великого Литовского князя Ягайло из

православия в католицизм и его последующая коронация польской королевской короной. Условием избрания в польские короли для Ягайлы было крещение подвластных ему Литвы и Руси по католическому обряду [3]. С этого момента наблюдается ориентация государства и элиты на одну (католическую) конфессию. Ягайло издал ряд привилеев (1387 [4] и 1413 Постановление Городельского сейма [5]), которые не только утвердили права Католической церкви, шляхты и магнатов-католиков, но также закрыли доступ к государственным должностям не католиков.

Характерной чертой менталитета населения ВКЛ являлся плюрализм религиозно-церковной жизни, который принуждал светскую власть проводить политику относительной веротерпимости. При великом князе Витовте татарам гарантировалась свобода вероисповедания и широкие гражданские права, в том числе на строительство мечетей и браки с христианками. Татарская шляхта была уравнена в имущественных правах с христианской. Неоднократно татары-мусульмане вместе с коренными жителями ВКЛ защищали страну от единоверцев-врагов. Татары, напавшие на земли великого княжества в 1510 г., призвали их присоединиться к ним для совместных грабительских действий, однако получили отказ: «Ни Бог, ни пророк не говорит вам грабить, а нам быть неблагодарными: сражаясь с вами, мы сражаемся с грабителями, а не с нашими братьями» [6].

Великий Литовский князь Витовт также издал ряд привилеев, предоставляя евреям право заниматься торговлей и ремеслом, признавая свободу вероисповедания. В юридическом плане иудейская религия имела равные права с христианской, так как к даче показаний допускался только еврей, который честно выполняет свой религиозный закон. В привилеях литовских князей специально оговаривалось, что обвинение евреев в убийстве христианских младенцев является заведомо сомнительным и потому требует доказательств, а именно, наличия трех свидетелей — двух христиан и одного иудея. В том же случае, если вина не была доказана, то обвиняющий подвергается сам тому же наказанию, которое наступало в подобных случаях [7].

Власти Великого княжества давали гарантии прав Православной церкви (Трокский привилей 1434 г. [8], жалованная грамота великого князя Литовского и польского короля Казимира [9]). Однако ситуация привилегированного положения Католической церкви способствовала постепенному увеличению неравенства между верующими христианами и становлению католицизма, как привилегированной конфессии до такой степени, при которой государство утратило возможность сдерживать ее давление на православную церковь. Об этом свидетельствует послание Киевского митрополита Максима (1474–1477) Римскому папе Сиксту IV от 14 марта 1476 г., в котором содержатся жалобы на католиков за их притеснения православных и просьбы восстановить мир между православными и латинянами. Интересно, что в 1605 г. на основании этого документа униатский митрополит Ипатий Потей утверждал, что уния в Великом княжестве Литовском существовала до 1596 г. На наш взгляд, это еще одно свидетельство конфессиональной толерантности в великом княжестве, которой православный иерарх требовал и от расширяющих свое влияние католиков.

Однако во время правления великого князя Литовского и Польского короля Сигизмунда II Августа (1544–1572) принцип религиозной толерантности становится доминирующим. Важную роль в установлении этого принципа в общественной жизни ВКЛ сыграло реформационно-гуманистическое движение, которое охватило не только католическое, но и православное население, в первую очередь магнатов и шляхту, которые склонили короля издать ряд указов, закрепивших принцип веротерпимости в качестве правовой нормы. Так, на сейме в Вильне 1563 г. Сигизмунд II издал свой знаменитый декрет, который устанавливал равенство православной и католической шляхты [10]. Сейм в Гродно (1568) подтвердил этот акт.

Красной нитью через все Предисловие к «Катехизису» Василия Тяпинского проходит мысль о необходимости религиозной терпимости и толерантности. Свой перевод Евангелия Тяпинский адресует кальвинистам, православным и всем, кто хочет читать эту книгу: «Рад покажу мою веру, которую маю, а злща народу своему рускому» [11].

Уже после смерти короля Сигизмунд II 28 января 1573 г. была принята Варшавская конфедерация, которая провозглашала равенство всех христианских вероисповеданий ВКЛ – православного, католического и протестантского. В этом документе оговаривалось, что, несмотря на существование в ВКЛ множества разных религий, их представители обещают не проливать кровь тех, кто исповедует другую веру. Население Речи Посполитой в законном порядке получало свободу вероисповедания. Условия Варшавской конфедерации 1573 г., касавшиеся религиозного согласия, были включены в Третий Статут ВКЛ 1588 г. Одной из центральных идей предисловия к этому Статуту канцлера ВКЛ Льва Сапеги была идея безусловных прав человека, к которым сам автор причислял и право на свободный религиозный выбор.

Во второй половине XVI в. современники, приезжавшие из других стран Западной Европы, особенно участники религиозных войн, поражались атмосфере веротерпимости, преобладавшей в общественной жизни ВКЛ. Значительные религиозные расхождения и даже противоречия не имели форм острого конфликта. Приверженцы разных религий, католики, православные и протестанты поддерживали политические и социальные контакты и иногда заключали межконфессиональные браки. Дворяне разной веры не только вместе обсуждали государственные дела на сеймах, но и совместно проводили свободное время. С момента заключения Люблинской унии (1569 г.) до конца XVI в. канцелярия ВКЛ не выпустила ни одного антипротестантского акта. Политика была отделена от вероучения и религиозной пропаганды; доминировала прагматическая культура. Также отсутствуют сведения о каких-либо существенных

проявлениях религиозного антисемитизма, хотя в то время евреи уже составляли существенную часть населения в городах ВКЛ и занимали достаточно прочные позиции в торговле и финансовой деятельности. До начала XVII в. известно лишь два случая сожжения на костре по обвинению в колдовстве, а в 1611 г. в Вильне состоялась единственная казнь еретика – итальянского антитринитария Лоренцо Франчи.

Период с 1596 г. до разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. обычно характеризуется как время религиозной нетерпимости. Первые признаки отхода от религиозной толерантности в ВКЛ стали проявляться уже в 1580-е гг. В 1581 г. Виленский католический епископ специальным предписанием запретил издавать и продавать протестантские издания. Также была запрещена организация протестантских погребальных процессий без разрешения епископа. Эти действия показали, как было отмечено, что католицизм, став господствующей религией и не сдерживаемый государством, присвоил себе право контроля над другими конфессиями.

Что касается унии, то по крайней мере, в своей идее и теории имела гуманистический, толерантный, разумный и благородный характер. Существует две версии униатской идеи: глобальная, универсальная и локальная, сепаратная. Именно идея глобальной унии была близка активному деятелю по защите православия и борцу с унией Киевскому воеводе князю Константину Острожскому. Он видел возможность согласия христианских конфессий только в результате всеобщего собора православных и католических иерархов. Проблема Греко-католичества заключалась в том, что она носила локальный характер отказываясь от общественной модели конфессиональной толерантности в пользу модели локальной унии. С ней не могла согласиться большая часть православного населения Речи Посполитой. В 1673 г. некаатоликам было запрещено получать шляхетский статус, а документы 1718, 1736 и 1746 гг. в законодательном порядке запретили некаатоликам занимать государственные посты. Таким образом, религиозная нетерпимость утвердилась в высших сферах политической жизни Речи Посполитой.

В то же время и в этот нетолерантный период можно найти продолжение традиций конфессионального мира, сложившихся в Великом княжестве Литовском. Канцлер великого княжества Лев Сапега был убежден, что перевод православных в униатство должен осуществляться на строго добровольных началах. Об этом он ярко свидетельствует в письме к униатскому Полоцкому архиепископу Иосафату Кунцевичу от 12 марта 1622 г.: «Хотя надо обращать в веру и заботиться о том, чтобы был один пасторь и одна овчарня, но необходимо принимать во внимание требования благоразумия и обстоятельства времени в деле, которое зависит от свободного выбора, особенно в нашем обществе и государстве Речи Посполитой ... Необходимо стремиться к тому, чтобы намерения Вашей милости и желания всего сообщества были основаны на любви, которая, как говорит св. Павел, терпелива, милостива, не завистлива, не проникнута гордыней, не ищет одобрения, не ищет выгоды, не проникнута гневом, не злопамятна, все преодолевает (1 Кор. 13, 4–7) ... Вы силой подавляете человеческую совесть, закрываете церкви, чтобы люди не могли отправлять богослужение, крестить детей, совершать таинства, как какие-то язычники ... полны земства, полны гроды, полны трибуналы, полны ратуши, полны канцелярии позовов, жалоб, нареканий, в которых сказано, что утверждается не уния, а утверждаются раздоры, разрывается и уничтожается связывающая человеческое сообщество любовь» [12].

Наследник Сигизмунда III Владислав IV говорил папскому нунцию: «Я хорошо знаю историю унии. Она введена насильно, без согласия лучшей части русского населения, ее приняли и ввели некоторые духовные лица, и при том из своекорыстных целей».

Представители православной элиты считали необходимым добиваться восстановления прав православия мирным и законным путем, вели диалог с политическими и религиозными оппонентами на основе лояльности государству. Политическая лояльность должна была обеспечить, по их мнению, гражданское согласие. «Над едностью и згодой, — нечего немаш пожитечнешого и вдячнешого», — писал Петр Могила [13]. После расправы витебских православных мещан над фанатичным униатским архиепископом Иосафатом Кунцевичем (1623 г.) и последовавших в ответ репрессий в отношении ее участников созревает убеждение, что стратегия бескомпромиссного противоборства бесперспективна в условиях, когда униатская церковь прочно обеспечила себе покровительство правящих кругов Речи Посполитой, а ряды сторонников православия в силу ряда обстоятельств значительно ослабли. Все это обусловило разработку стратегии социально-религиозного компромисса, основанной на отказе от силовых методов решения конфессиональных споров и переносе центра тяжести на легальную церковно-политическую и культурно-просветительскую деятельность. Полоцкий епископ Мелетий Смотрицкий, участвуя в полемике того времени в качестве защитника православия, впервые выступил с идеей о том, что «Мы, монахи, шляхта и плебеи — одно во Христе. И варвар у нас, и скиф, и грек, и еврей, были только верными христианами» [14], то есть высказал положение о том, что все население ВКЛ, вне зависимости от вероисповедания, составляет единый народ, призванный жить в согласии и обеспечивать стабильность и адекватное функционирование своего государства.

Началом реализации этой идеи стала подготовленная И. Бобриковичем и изданная Виленским братством накануне конвокационного сейма 1632 г. книга «Синописис», в которой обосновывалась легальность «привилегий и вольностей русского народа». В 1632–1635 гг. были разработаны и, несмотря на противодействие католической и униатской партии, утверждены «статьи успокоения религии греческой».

Их значимость и основное содержание состоят в легализации деятельности православной церкви Речи Посполитой и возвращении ей статуса субъекта правоотношений.

Надо отметить, что, несмотря на нетерпимый характер противостояния конфессий и проявления фанатизма, идея веротерпимости все же высказывалась, а религиозные конфликты решались, как правило, в суде или на страницах полемических книг. Католическая реакция на реформационное движение, создание и распространение Греко-католической церкви на территории Беларуси все же не идут ни в какое сравнение с европейскими религиозными войнами, антисемитизмом, деятельностью инквизиции.

Поэтому можно говорить о том, что культура Беларуси даже в столь противоречивую эпоху остается в определенной степени толерантной. Случаи массового религиозного ожесточения, как например, Варфоломеевская ночь во Франции или сжигание на крестах иноверцев, в отечественной истории отсутствуют. Традиция веротерпимости в межконфессиональных отношениях в современном белорусском обществе имеет этническую основу и является исторически включенной в этническую культуру белорусов. Религиозная толерантность является национальной религиозной идеей белорусов, что свидетельствует о высочайшем статусе идеи веротерпимости в ее культуре. Белорусские земли являются зоной активного межцивилизационного контакта западно- и восточнохристианской ветвей европейской цивилизации. Основной этнологической составляющей межконфессиональных отношений в Беларуси является то, что большинство верующих относят себя к белорусскому этносу. Общность этнической принадлежности большинства верующих этих конфессий выступает как консолидирующий фактор в межконфессиональных отношениях.

Список цитируемых источников

1. Мурнов, А. А. Межконфессиональные отношения в Беларуси XIV – начала XXI вв. (на примере Православной и Католической церквей). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / А. А. Мурнов – Минск, 2011. – С. 6.
2. Послание великого князя Литовского Гедимина от 26 мая 1323 г. // Послания Гедимина. – Вильнюс. 1966. – С. 40–41.
3. Из хроники Яна Длугоша о заключении Кревской унии между Литвой и Польшей // Белоруссия в эпоху феодализма. Сб. документов и материалов. – Мн., 1959. – Т. 1. – С. 99–100.
4. Dzialynski. Zbiór praw Litewskich od roku 1389 do roku 1529. – Poznań, 1841. – P. 1–2. Уния в документах. Сб. / сост. В. А. Теплова, З. И. Зуеа. – Мн.: «Лучи Софии», 1997. – С. 64–68.
5. Из постановлений Городельского сейма 2 октября 1413 г. об унии Великого княжества Литовского с Польшей и о привилегиях феодалов-католиков Литвы и Белой Руси // Белоруссия в эпоху феодализма. Сб. документов и материалов. – Мн., 1959. – Т. 1. – С. 115–118.
6. Станкевіч, Я. Беларускія мусульмане і беларуская літаратура / Я. Станкевіч. – Менск: Адраджэнне, 1991. – С. 6.
7. Бершадский, С. А. Литовские евреи / С. А. Бершадский. – СПб. 1883. – С. 229.
8. Жалованная грамота Великого князя Литовского Сигизмунда Кейстутовича от 6 мая 1434 г. о подтверждении прав и привилегий феодалам Великого княжества Литовского, уравнивающая православных с католиками в области экономической и сословной // Уния в документах. Сб. / сост. В. А. Теплова, З. И. Зуеа. – Мн.: «Лучи Софии», 1997. – С. 71–73.
9. Жалованная грамота короля Казимира от 2 мая 1457 г. феодалам Великого княжества Литовского, уравнивающая их в правах и привилегиях с феодалами Польши // Белоруссия в эпоху феодализма. Сб. документов и материалов. – Мн., 1959. – Т. 1. – С. 124–127.
10. Жалованная грамота короля Сигизмунда II Августа от 7 июня 1563 г. феодалам православной веры о распространении на них решений Городельского сейма 1413 г. и предоставлений новых прав и привилегий // Белоруссия в эпоху феодализма. Сб. документов и материалов. – Мн., 1959. – Т. 1. – С. 141–143.
11. Старожытная беларуская літаратура: Зборнік / Уклад. Л.С. Курбека; Аўт. прадм. У. Г. Кароткі. – Мінск, 1990. – С. 190.
12. Анталогія дауній беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы: падрыхт. А.І. Богдан (і інш.); рэд. В.А. Чамярыцкі – 2-е выд., выпр. – Мінск, 2005. – С. 667–673.
13. Нічик, В.М. Петро Могила в духовній історії України / М. В. Нічик. – Київ, 1997. – С. 197.
14. Цит по: Гісторыя Беларусі у 6 т. / Ю. Бохан; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.). — Мінск, 2004. – Т. 3. Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII—XVIII стст.). – С. 62–64.

УДК 930.1

В. М. Губская

установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт», г. Мінск

БРАТЫ ГАРЭЦКІЯ: ДЗЕЙНАСЦЬ НА ШЛЯХУ ДА НЕЗАЛЕЖНАСЦІ БЕЛАРУСІ

Дадзены артыкул ставіць за мэту адлюстраваць ролю братаў Гарэцкіх у гісторыі адраджэння Беларусі. З улікам таго, што дзейнасць Гарэцкіх шматвектарная – Максім Гарэцкі (1893-1938) працаваў на ніве мовазнаўства і літаратуры, а Гаўрыла (1900-1988) – у сферы эканомікі і геалогіі, артыкул прапановуе максімальна сцісла аглядаць дзейнасці выбітных беларусаў, што ўжо знайшла сваіх паслядоўнікаў.

Гісторыя Беларусі прапануе сучаснікам вялікую колькасць іменаў, чый лёс быў звязаны з барацьбой за незалежнасць краіны. У 20-я гады XX стагоддзя гэты працэс быў асабліва насычаны і знакавы для гісторыі нашай дзяржавы.

Агульнавядома, што Лютаўская рэвалюцыя 1917 года дала магчымасць беларускаму нацыянальна-вызваленчаму руху рэалізаваць ідэю па стварэнні беларускай нацыянальнай дзяржавы. Ужо ў 1918 годзе падчас існавання Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР), у склад прэзідыума Рады якой уваходзіў М. Гарэцкі, была актыўна разгорнута дзейнасць па развіцці беларускай мовы і культуры як асновы для нацыянальна-культурнага адраджэння.